

УДК 130.2

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-3\(8\)-378-405](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-3(8)-378-405)

ВСПОМНЯТ ЛИ «УМНЫЕ ТОЛПЫ» АНДРОИДОВ ОБ ЭЛЕКТРООВЦАХ, ИЛИ КАК ВОЗМОЖНА МЕДИАПАМЯТЬ В ЭПОХУ ЦИФРЫ. РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ДЕНИСА АРТАМОНОВА

Андрей Некита,
Новгородский
государственный
университет
им. Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия).

Andrey Nekita,
Yaroslav-the-Wise Novgorod
State University
(Veliky Novgorod, Russia).

ORCID: 0000-0002-9254-2901
e-mail: beresten@mail.ru

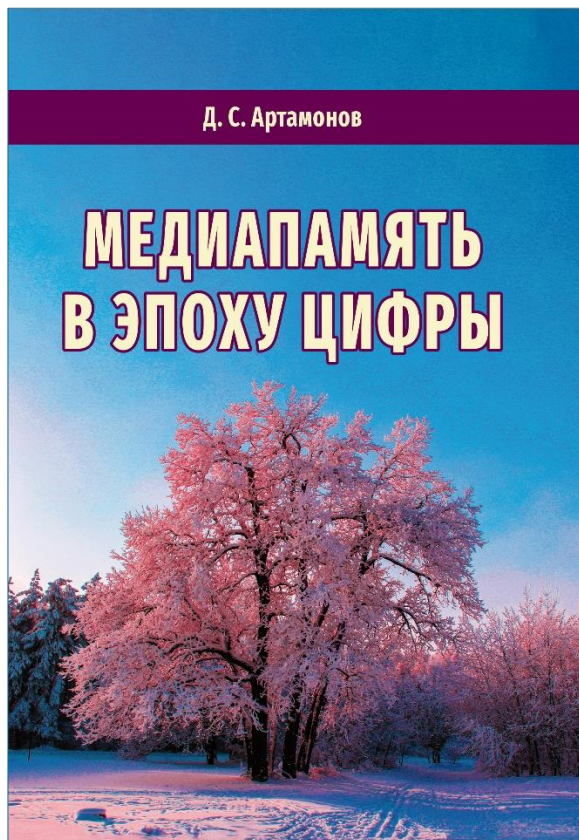
Сергей Маленко,
Новгородский
государственный
университет
им. Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия).

Sergey Malenko,
Yaroslav-the-Wise Novgorod
State University
(Veliky Novgorod, Russia).

ORCID: 0000-0003-4828-0171
e-mail: olenia@mail.ru

Для цитирования рецензии:

Некита, А. Г., & Маленко, С. А. (2024). Вспомнят ли «умные толпы» андроидов об электроовцах, или как возможна медиапамять в эпоху цифры. Рецензия на монографию Дениса Артамонова. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 3(8), 378-405. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-3\(8\)-378-405](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-3(8)-378-405)

«И он снова подумал, как ему хочется настоящее, живое животное, и снова ощутил жгучую ненависть к своему электрическому барану, с которым ему приходилось возиться, словно он и вправду живой. Тирания бездушного предмета, думал Рик. Предмета, и знать не знающего, что я существую. Подобно андроидам, он не чувствует никакой связи между собой и всеми окружающими его живыми существами. Мысль о сходстве между электрическими животными и андроидами была для него внове. Электрическую овцу или кошку, рассуждал Рик, можно считать низшими, предельно примитивными подвидами все того же семейства роботов. Или, наоборот, андроида можно рассматривать как очень высокоразвитое эрзац-животное. По какой-то не совсем ясной причине оба этих варианта ему претили» [Дик 2016].

Повсеместная цифровая трансформация современной культуры постепенно приобретает тотальный характер, подчиня себе не только производственные и технологические процессы, но и оказывая влияние на развитие социальных институтов и социальной коммуникации в целом. Это с необходимостью оборачивается разбалансировкой принципов социального взаимодействия, в то время как социальная целостность в классических обществах воспроизводилась посредством

трансляции традиций, закрепленных в коллективной памяти поколений. Появление новых цифровых арен для фиксации и последующей передачи социального опыта обнаруживает сложную и противоречивую картину воспроизводства исторически и культурного значимого. Складывается впечатление, что в этих средах опыт предшествующих поколений приобретает все более формальный, информационный характер.

В то время как непрерывное приращение цифрового контента создает стойкую иллюзию необычайной эрудированности новых поколений в отношении предшествующего опыта цивилизации. Однако подобный «багаж» скорее всего имеет характер «информационного шума» и потому не предполагает какого бы то ни было долговременного оперирования различного рода сведениями, полученными в Интернет-пространстве. В то же время, складывающиеся буквально на наших глазах институты цифровой коммуникации активно претендуют на создание нового формата и соответствующей ему логистики знаний, а также способов их закрепления в индивидуальной, групповой и коллективной памяти.

Поэтому изучение сложной и динамично развивающейся системы цифровой коммуникации является крайне актуальной и востребованной задачей современной социально-философской и гуманитарной мысли, решение которой должно способствовать определению трендов развития не только науки, но и социальных отношений, конструируемых как следствие реакции на новые технологические вызовы. Подобная ситуация в корне меняет

восприятие и понимание современниками прошлого, обуславливает непрерывное, поточное переформатирование институализированного исторического опыта и обозначает фактическую редакцию истории под конъюнктурные интересы не только политиков и корпораций, но и уже абсолютно рядовых пользователей Интернета. Возможно, именно так и выглядит один из сценариев цифрового «конца истории», о котором рассуждал еще Фр. Фукуяма. Парадоксально, но именно зафиксированная таким образом, в цифровых формах память о прошлом, оказывается сегодня наиболее востребованной формой трансляции коллективной памяти. Понимание этих зависимостей позволит сформировать принципы реализации коммеморативной политики и определит парадигмы диджитальной социальной коммуникации будущего.

Знаменитый американский фантаст, лауреат престижной премии «Хьюго» Филип Киндред Дик еще в 1968 году в своем пророческом романе «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» как бы предвидя грядущую диджитальную революцию, отчаянно пытался предупредить человечество о множестве скрытых в ней опасностей. В качестве одной из серьезных угроз писатель упоминал о фальшивой памяти у «ложных людей», которых называл андроидами: «фальшивая память бывает только у андроидов, загрузить ее человеку очень трудно, почти невозможно» [Дик 2016].

Однако, как оказалось, сейчас элементы «ложной» или «фальшивой» памяти в современном цифровом обществе присутствуют практически повсеместно. Поскольку в нем именно

медиа оказывают определяющее влияние на конструирование коллективно разделяемых представлений о прошлом, что приводит к структурным изменениям исторической, социальной, культурной, коммуникативной памяти. Бурное развитие сервисов социальных сетей, характерное для нашего времени, вовлекает массовую аудиторию пользователей Интернета в процессы конструирования образов прошлого и приводит к тотальной медиатизации коллективной памяти. Личные воспоминания и мнения ежедневно репрезентируются в медиасреде, превращаясь в цифровые нарративы и визуальные образы, определяющие представления о прошлом.

При этом, массивированные информационные потоки пользовательского контента, создаваемые обывателями, не только становятся новым фактором влияния на коллективные и индивидуальные идентичности, но и определяют условия воспроизводства воспоминаний и традиций. А выявление новой роли медиаконтента в социальном конструировании представлений о прошлом позволило автору монографии разработать инновационные исследовательские стратегии для изучения принципов функционирования коллективной памяти в условиях компьютерно-опосредованной среды, сетевых интеграций и дополненной реальности.

Значение монографии нашего уважаемого саратовского коллеги Дениса Артамонова, определяется значительным объемом проанализированных ним российских и зарубежных источников, посвященных рассмотрению коллективной памяти и социально-

философскому анализу современных коммеморативных практик. Проведенное автором обстоятельное исследование отличается высокой степенью теоретической обоснованности, опирающейся на обширный эмпирический материал.

Новизна исследовательского подхода Дениса Артамонова состоит в обстоятельном социально-философском анализе медиапамяти как коммуникационного механизма конструирования представлений о прошлом. Автор справедливо указывает, что сама постановка проблемы «конструирования представлений о Прошлом в ситуации тотальной цифровизации, постправды, мемориального бума и медиатизации культуры ставит задачу изучения процессов трансформации форм коллективной памяти в медиасреде» [Артамонов 2023: 22]. Медиапамять совершенно обоснованно рассматривается автором как, безусловно, значимый феномен коммуникации, позволяющий изучить социальные практики трансляции образов прошлого, а также создания и тиражирования диджитальных симулякров исторического знания пользователями Интернета. Именно в медиапамяти, по мнению автора, непрерывно создаваемые образы прошлого выступают закономерным результатом перманентного конструирования представлений об актуальных социальных смыслах, которыми они нагружаются. Показательно, что тематизация значимых исследований осуществлена Денисом Артамоновым с учетом структуры проблемного поля современной социальной и политической философии, а также с опорой на спектр существующих исследовательских и социокультурных практик.

Для изучения коллективной и медиапамяти автор проводит комплексное исследование неординарных источников массовых представлений о прошлом, позволяющее проанализировать основные инструменты воспроизводства образов прошлого в цифровую эпоху. Например, таких как: фейки, цифровые фотографии, селфи, интернет-мемы, компьютерные игры, фанфики и многочисленные пользовательские видеоролики на историческую тематику.

Так, по его справедливому утверждению, исторические «фейки интегрируют технологии воспроизводства сетевых фейков, исторические интерпретации и историческую лженауку в оперативных локальных форматах сетевого контента, производимого для того, чтобы наносить эмоциональный и репутационный урон противнику, разрушая систему аргументации его исторической идентичности. Реализуясь в соответствии с идеологией информационных гибридных войн, исторические фейки становятся мощным оружием войн мемориальных» [Артамонов 2023: 105-106].

Совершенно обоснованно Денис Артамонов квалифицирует современные социальные медиа как сложную и противоречивую арену формирования и публичной презентации коллективной памяти, аккумулирующие потенциал многочисленных информационных ресурсов, в том числе и посвященных изучению прошлого. Овладев цифровыми технологиями, тысячи Интернет-пользователей создают собственные медиаверсии прошлого и делают их доступными для широких пользовательских масс.

Иррациональными основами тиражирования потребительских представлений о прошлом в социальных медиа является их эмоциональность, мифологизированность и стереотипность. Так пользователи практически непрерывно создают свои версии исторических событий в соответствии с коллективными представлениями о прошлом, отсылающими к наиболее популярным и узнаваемым сюжетам и символам массовой культуры. В результате мы фактически имеем дело с зарождением новых сетевых коммеморативных практик, основанных на большем или меньшем погружении человека в цифровое виртуальное пространство. Подобная логика и позволяет Денису Артамонову выдвинуть оригинальную авторскую концепцию медиапамяти, интерпретируемую им в качестве особого коммуникационного механизма конструирования и медиапрезентации представлений о прошлом.

Плодотворно рассуждая об опасности повсеместно политизации современного медиапространства, автор абсолютно уместно квалифицирует необычайно популярные сегодня интернет-мемы как неотъемлемый элемент и достаточно мощный инструмент подобной политизации «способный достаточно эффективно конструировать представления о прошлом. Субъектом конструирования здесь выступает как сам индивид, так и те, кто продуцирует интернет-контент, что характерно для современной эпохи просьюмеризма, когда производитель информационного продукта в то же время является его потребителем» [Артамонов 2023: 135].

Фактически, на примере рассуждений автора мы можем квалифицировать их как важнейший шаг в открытии нового направления в современной социальной философии, изучающего актуальные символические формы общественного сознания, развивающиеся под влиянием прогрессирующего развития цифровых коммуникаций. Несомненно, что главные выводы монографии Дениса Артамонова могут и должны быть использованы в учреждениях высшего образования и в преподавании целого ряда философско-культурологических и политологических дисциплин. Кроме этого, на наш взгляд, целесообразно использование авторских исследовательских наработок при создании и совершенствовании программ федеральной и региональной культурной политики, формировании и внедрении стратегий информационной и национальной безопасности Российской Федерации.

Очерчивая методологические основания исследования медиапамяти, автор монографии устанавливает границы применения коммуникативного подхода в изучении коллективной памяти, которая в настоящее время подвержена интенсивной медиатизации и неуклонно превращается в медиапамять как неотъемлемый элемент цифрового общества. Далее в книге проблематизируется феномен медиапамяти и ее роль в историческом познании в условиях современного цифрового общества. Для этого автор определяет исторические условия для институализации медиапамяти, выделяет необходимые социальные

среды для ее оформления, а также выявляет субъекты гражданской исторической науки.

Закономерно останавливаясь на проблемах конструирования медиапамяти в социальных контекстах Денис Артамонов выявляет потенциал философии истории для изучения цифровой трансформации социального пространства, после чего ожидаемо останавливается на рассмотрении исторической лженауки и цифровой мифологии как актуальных форм организации и презентации среды современных социальных медиа. Обнаруженные закономерности позволяют автору перейти к рассмотрению целого ряда сетевых практик, в которых последовательно воспроизводятся актуальные технологии конструирования медиапамяти.

Следует поддержать и авторский сценарий разработки проблемы коллективной памяти посредством выявления ее коммуникационной природы, опирающийся на целый ряд концепций социальных философов. Так в рецензируемой монографии последовательно демонстрируется, что, например, символизация прошлого у Вальтера Беньямина стала закономерным ответом на попытки философов XIX века понять и проинтерпретировать социальную природу истории, выражаемую в коммуникативном действии по созданию коллективных символических образов. Тогда как идеи немецкого историка, этнографа и культуролога Аби Варбурга во многом предвосхитили культурологический подход в понимании коллективной памяти,

имеющей коммуникативную природу и формирующейся в момент создания символического объекта.

Несомненно, понимание выдающимся немецким социологом Эмилем Дюркгеймом коммеморативного ритуала как важнейшего посредника в формировании коллективных представлений о прошлом, по мнению автора монографии, предвосхищает применение коммуникативного подхода к пониманию феномена коллективной памяти. Тогда как французский социолог Морис Хальбвакс был склонен соотносить коллективную (социальную, историческую) память с устной коммуникацией. А идеологи конструктивизма Джордж Герберт Мид, Альфред Шюц, Никлас Луман, Питер Бергер и Томас Лукман наглядно и последовательно продемонстрировали, как именно символическая знаковая система коллективной памяти работает в социальной системе, что во многом и помогло объяснить ее коммуникативный характер.

Кроме того, Денис Артамонов справедливо обращает внимание и на рассуждения Маршала Маклюэна о непосредственном влиянии коммуникативных технологий на возможность человеческого сообщества обладать памятью для воспроизводства прошлого в настоящем. А также на идеи Юргена Хабермаса относительно того, что в основе формирования представлений о прошлом и вообще исторического сознания как такового лежат именно коммуникативные практики.

Исследуя социально-философские основания проблемы медиатизации коллективной памяти, автор приходит к обоснованному выводу о том, что противопоставление

коммуникативной и культурной памяти в работах Ю. М. Лотмана и Я. Ассмана было основано на различении устной и письменной коммуникации, однако, увеличение роли массмедиа в жизни общества и появление социальных медиа ее практически полностью нивелировало. Как указывает Денис Артамонов, объединение этих «двух терминов при описании влияния новых медиа на коллективную память предполагает, что коммуникативная и культурная память продолжает существовать в условиях синкретизма символических и повседневных воспоминаний, а также целостности восприятия образов прошлого. Между тем исследование процессов медиатизации показывает, что человек не вспоминает недавнее прошлое без медиа, а культура практически полностью интегрирована в медиaprостранство» [Артамонов 2023: 25].

В то же время тотальное влияние медиа на общественное и индивидуальное сознание закономерно поставило вопрос о медиатизации коллективной памяти, что нашло отражение в целом ряде зарубежных и отечественных исследований. В них подчеркивались различные аспекты коммуникативных свойств коллективной памяти и ее информационной природы, но упускался из виду тот факт, что именно медиа выступают в качестве важнейшего посредника социальных отношений. В новейших исследованиях Дж. Гарде-Хансен и Э. Хоскинса и др., выдвигается, справедливо критикуемая автором монографии теория цифровой памяти, которая вобрала в себя основные идеи теоретиков коммуникативной и социальной памяти. По мнению Дениса

Артамонова, концепция «digital memory» не учитывает важнейшие особенности коммуникационного пространства цифровой среды, в котором под влиянием процесса медиатизации предельно уменьшается или же и вовсе исчезает дистанция между близким и далеким прошлым. Тогда как вышеуказанные авторы «совершили переход от рассуждений о тотальной медиатизации социальных феноменов, к которым они относят и память, к гипотезе о ее дигитализации.

Они утверждают, что социальная память в цифровую эпоху невозможна без машины [Артамонов 2023: 33]. В этом контексте нельзя не вспомнить выдающуюся идею американского фантаста Ф. Дика, который еще в шестидесятых годах прошлого двадцатого века твердо и свято уверен в том, что «только андроиды способны носить в себе ложную память. По отношению к людям система оказалась неэффективной» [Дик 1992: 377]. Увы, выдающийся фантаст, к величайшему сожалению, ошибся. И уже спустя чуть более полвека потребительское общество породило «умные толпы» своеобразных «андроидов» (в терминологии Филипа Дика), которые с превеликим удовольствием повсеместно отказываются и от человечества, и от природы, и от собственной памяти, а в итоге и от самих себя.

Медиапамять как социальный феномен в цифровом обществе последовательно раскрывается автором монографии через анализ различных аспектов цифровизации и медиатизации культуры, практики перевода традиционных хранилищ социальной памяти (архивов, музеев, библиотек и т. д.) в актуальный цифровой

формат, а также тенденции неуклонного расширения влияния социальных медиа на характер и сами практики конструирования и презентации представлений о прошлом. Кроме того, в рецензируемой книге социально-философскому анализу подвергаются и коммуникативные процессы медиатизации политики памяти, проблемы травматического опыта коллективного прошлого и повышенная эмоциональность исторических образов, характерная для эпохи постправды, а также мемориальные войны в цифровом информационном пространстве. Так «эмоциональность медиапамяти связана с возможностями комфортного пребывания индивида в воображаемой реальности с предметами или субъектами, отсутствующими непосредственно в реальности физической. Процесс конструирования медиапамяти на основе визуальных образов приводит к нарастанию тоски по чему-то безвозвратно утраченному во времени» [Артамонов 2023: 12].

Автор монографии справедливо утверждает, что прошлое, как абсолютно социальный конструкт, создается и транслируется при помощи медиа, аккумулирующих историческое знание во всех его формах, фактически стирая грани между историей как наукой и памятью как коллективным представлением о прошедших событиях и исторических фактах, формирующейся стихийно.

Опираясь на концепцию цифрового поворота, Денис Артамонов констатирует, что эпистемологическая проблематика цифровых технологий разворачивается не только и не столько в границах используемого объекта (инструмента, посредника,

участника), но и в совокупности иных связей, прежде всего, сетевых. Так сервисы «социальных сетей аккумулируют усилия массы известных и неизвестных блогеров, почти мгновенно откликающихся на злободневные события, тиражируя информацию о них, наращивая ее новостную плотность и укрепляя общественный интерес, т. е. наделяя событие резонансом.

Известные блогеры легитимируют оценку сложившихся резонансных событий, формируя, тем самым, повестку дня и воздействуя на общественное мнение, т. е. фактически массив обыденного знания проходит фильтры авторитета известных блогеров, хотя эта когорта всегда остается открытой» [Артамонов 2023: 62]. В итоге интернет-пользователи активно включаются в поиск и тиражирование знаний о прошлом, переводя традиционные исторические источники в цифровой формат. Также мы можем наблюдать за появлением новых способов познания прошлого, что закономерно приводит к перехвату инициативы в деле получения и трансляции исторического знания от научного сообщества к обывателям, интересующимся историей, тогда как именно медиапамять является основным инструментом подобного перераспределения.

Важной и весьма позитивной находкой рецензируемой монографии является авторский вывод о том, что исторические знания и представления о прошлом в коммуникативном пространстве цифрового общества создаются в рамках социально-эпистемических арен, под которыми автор понимает медиа-площадки, где взаимодействуют: во-первых, ученые-

профессионалы, определяющие проблему исследования, ставящие задачи и выступающие организаторами работы; во-вторых, «умные толпы», массы интернет-пользователей, любители-добровольцы, объединенные при помощи социальных медиа и организованные на совместную деятельность; и, в третьих, цифровые технологии («нечеловеки», в терминологии Бруно Латура). Как раз на подобных социально-эпистемических аренах происходит выработка знания в процессе научного исследования, организованного на принципах гражданской науки («Citizen science»), коллективной работы, при помощи технологий краудсорсинга, с привлечением широкого круга добровольцев на виртуальных сетевых платформах, которые обеспечивают публикацию и репрезентацию полученных результатов. В пределах таких «арен субъектом производства знания оказывается не только научное сообщество, но и многообразные заинтересованные субъекты, а также информационные посредники, осуществляющие распределенное познание, предполагающее распределение когнитивных функций между разными познающими субъектами и их совместное участие в производстве знания» [Артамонов 2023: 82].

Подведем промежуточные итоги исследования роли «умных толп» в производстве обыденного исторического знания и коллективно разделяемых представлений о прошлом. В их число автор монографии закономерно и обоснованно включает массовые цифровые коммеморативные практики на следующих коммуникативных аренах: генеалогические сайты, wiki-проекты, краудсорсинговые интернет-платформы, фанфикшн-сайты и т. д.

Создавая исторический контент в ходе совместной деятельности и распространяя его через социальные медиа, интернет-пользователи активно участвуют в интерпретации прошлого, а в историческое знание, которое они производят при помощи цифровых технологий, закладывается мощный мировоззренческий компонент, актуализирующий прошлое в современности. Таким образом, в современном мире «умные толпы» интернет-пользователей выступают значимым социальным агентом медиапамяти. Тогда как сама историческая «реальность, сконструированная «умными толпами», становится им понятной и близкой. Более того, история начинает восприниматься ими не как отвлеченная наука, не имеющая практического значения здесь и сейчас, а как собственный продукт научного творчества» [Артамонов 2023: 104].

Подробно демонстрируется Денисом Артамоновым и роль цифровых технологий и медиа как в создании исторического знания, так и в воспроизводстве представлений о прошлом. На основании исследования практики применения математических и компьютерных методов в изучении истории, от клиометрии до исторической информатики, в монографии делается вывод о появлении новой науки, цифровой истории, под которой понимается не только внедрение в историческую науку цифровых методов исследования, но и появление новой области знания – истории цифрового общества, характеризующейся влиянием информационно-компьютерных технологий на человека. В связи с чем саратовский исследователь справедливо отмечает, что

современные социально-эпистемические «арены являются продуктом цифровой истории, которая предполагает появление цифровых историков, являющихся ключевыми акторами, вырабатывающими историческое знание» [Артамонов 2023: 84]. В подобном контексте очень уместной выглядит и предлагаемая автором постановка вопроса о разработке специальной цифровой философии истории.

Денис Артамонов справедливо отмечает, что в рамках социальной философии, история как проект человеческого общества в философской мысли рассматривалась в метанарративах, выдвигавших глобальные историософские концепции, описывающие пути общественного развития и предлагающие различные варианты «смысла» или «конца» исторического прогресса. Однако, кризис формационного и цивилизационного подходов привел к тому, что историки освободились от устаревших методологических установок интерпретации исторического процесса, так и не предложив альтернативных теоретических моделей развития истории. Между тем, как это показано в монографии, макроисторический текст в цифровую эпоху существует как взаимосвязь элементов исторического знания, дающих общее представление об истории только в распределенном состоянии, способном создать лишь общую картину, да и то только через систему гиперссылок. Поскольку, как уместно отмечает автор рецензируемой монографии, в «эпоху постправды общество требует исторических знаний, содержащих в себе элементы сторитейлинга, оценочные

суждения, мемы и мифы. Такой контент позволяет быстро объяснить актуальную действительность, то, что происходит здесь и сейчас и требует незамедлительного лечения травм памяти, лечения через высказывание своей личной позиции, внесения своего вклада в коллективный рассказ. Этот тренд демонстрирует массовую интенцию на освоение и приватизацию макроистории, включения ее в переработанном виде в пространство личности и создание собственной субъективной картины исторической реальности» [Артамонов 2023: 76]. Тем самым, современная философия истории просто обязана стать цифровой для того, чтобы охватить огромные объемы информации, создающие исторические метанарративы, описывающие историю человечества в эпоху «цифры».

Рассматривая проблемы конструирования представлений о прошлом и то, как этот процесс соотносится с трансформацией исторического знания в медиасреде, автор монографии на примере анализа дискурса исторической лженауки показывает, что в цифровом пространстве снимается ставшее традиционным противопоставление истории и медиа. Нельзя не согласиться с мнением Дениса Артамонова о том, что коммуникативная связь исторической науки и медиапространства гораздо глубже простой эманации научных текстов в общественное сознание и их неизбежной дальнейшей вульгаризации. Вместе с тем рост медиатекстов и включенности массовой аудитории в их производство неизбежно влечет за собой определенную депрофессионализацию истории, дискредитацию и умаление функций профессиональных историков. Такие методологические

возможности предоставляет только медиасфера. История как наука представляет собой крайне привлекательный объект для лженаучных построений в медиасфере, что порождает целый корпус новых социально-эпистемологических практик, в рамках которых индивиды не просто «играют в историю», но всякий раз производят новые онтологические статусы событий. Так автор монографии приводит очень показательный пример, связанный с тем, что в настоящее время «наблюдается очередной всплеск интереса к Средневековью, о чем свидетельствует, например, огромная популярность сериала «Игра престолов». Романтизация Средневековья давно стала трендом медиапамяти, захватившим и компьютерные игры» [Артамонов 2023: 143].

Повсеместное вовлечение массовой аудитории в конструирование медиапамяти неизбежно порождает принципиально новое качество мифологизации истории. По мнению автора монографии, цифровой поворот предполагает не только изменение практик исследования социальных мифов, но и трансформацию способов их воспроизводства. Так в сетевых сообществах циркулируют мифологические нарративы, направленные на конструирование и представление коллективной идентичности, героизацию, осмысление повседневной реальности. Мифические конструкты зачастую выступают в качестве основного «строительного материала», формирующего комьюнити. Тогда как участники сетевых сообществ, создавая различный контент, сами становятся творцами мифов в цифровой среде, заимствуя из нее наборы архетипических сюжетов, позволяющих им наиболее

доступно «объяснять» мир и конструировать приемлемую и доходную мифологизированную реальность. В цифровых конструктах, в изобилии создаваемых пользователями, находят специфическое отражение древнейшие архетипические образы, характерные и для современной массовой культуры. Так Денис Артамонов справедливо констатирует тот факт, что сегодня «самым распространенным визуальным образом с текстовым комментарием является интернет-мем, который в современной медиасфере приобретает все большее значение как конструкт и репрезентатор исторической памяти» [Артамонов 2023: 127]. Таким образом, новая мифологизация освобождает коммуникацию масс, позволяя им не только произвольно перекраивать образы прошлого, настоящего и будущего, но и свободно транслировать их собственные версии.

Именно поэтому автор, исследуя особенности бытования медиапамяти в эпоху постправды, подробно рассматривает влияние фейков, интернет-мемов и компьютерных игр на конструирование представлений о прошлом. Следует отметить, что привлечение оригинальных источников для социально-философского анализа Интернет-образов прошлого является одним из сильных мест рецензируемой монографии. В нем фейки позиционированы как «сложная массовая экосистема, в которую включены боты и пользователи социальных сетей, занятые производством и тиражированием «канонически» жанрово оформленного эмоционально окрашенного контента. В этой системе вырабатываются новые процедуры верификации и

легитимации социального знания, и именно эти новые функции и осуществляют фейки» [Артамонов 2023: 113].

Типичный сетевой фейк на историческую тематику представляет собой фальсификацию исторического факта либо исторического источника в Интернете. На примере нескольких кейсов Денис Артамонов выявляет механизмы возникновения, распространения, а также сценарии влияния фейковой информации на представления о прошлом. Также исторический фейк рассматривается автором монографии как гибридное оружие мемориальных войн, так как его производство одновременно нацелено и на подкрепление собственной исторической ценности, и на разрушение самоидентификации информационного противника. Поскольку, реализуясь «в соответствии с идеологией информационных гибридных войн, исторические фейки становятся мощным оружием войн мемориальных» [Артамонов 2023: 106].

В рецензируемой монографии наглядно продемонстрировано, что в процессе трансформации классического исторического знания в медиапамять большую роль приобретают разнообразные сценарии визуализации истории. Визуальные образы медиапамяти воспринимаются пользователями как технологии воссоздания прошлого в настоящем. Следует согласиться с Денисом Артамоновым в том, что столь характерные для массового общества «постправды» чрезмерно «вольные» «отношения с историей, с событийным прошлым, выражаемые в множественности оценок и интерпретаций исторических событий,

превратили историю в бесконечные «ремейки» самой себя. История стала «собранием мифов», самым ярким симулякром постмодернистского общества симулякров» [Артамонов 2023: 122].

Ярче всего эти процессы сегодня иллюстрируют интернет-мемы на историческую тематику. Они позиционированы в тексте монографии как сложносоставной цифровой продукт творчества интернет-пользователей, использующих его в процессе коммуникации для презентации собственных версий прошлого. Формат интернет-мема позволяет пользователям давать любую интерпретацию событий, проводя аналогии с прошлым с использованием любых исторических образов. Подобные практики, отражающие преимущественно эмоциональное восприятие исторических событий, совершенно закономерно превратились в неотъемлемую часть современной цифровой культуры.

Одним из относительно новых медийных явлений, рассмотренных в рецензируемой монографии, являются компьютерные игры на историческую тематику. Неуклонно захватывая внимание все большего количества людей, они в определенной мере способны формировать либо изменять нужные производителям и заказчикам подобной продукции представления о прошлом. Компьютерная игра на историческую тему, с точки зрения Дениса Артамонова, представляет собой способ моделирования прошлого, и гарантирует получение ее участниками некоего личного опыта, в то же время связанного с общекультурными и корпоративными моделями медиапамяти. В последнее время исторический материал действительно очень

часто становится основой сюжетов компьютерных игр и несмотря на то, что они обычно рассматриваются как вымышленные, досуговые сценарии формирования медиапамяти, все подобные исторические или околоисторические игры, безусловно, влияют на создание и закрепление специфических представлений о прошлом, даже если игроки и не отдадут себе в этом отчета. При этом, «смысловые тренды в развитии исторических игровых жанров не формируются в вакууме: основой для игровых миров становится весь массив всемирной истории и истории разных государств, при этом влияние игры как агента медиапамяти фрагментарно и ограничено личными интересами пользователя. Иначе говоря, под воздействием игровой мифологии находится только тот сегмент исторических представлений индивида, который уже сформировался по другим источникам [Артамонов 2023: 140–141].

Подводя итог нашим рассуждениям, нельзя не отметить, что монография Дениса Артамонова, несмотря на общее крайне благоприятное впечатление, тем не менее, оставляет ряд вопросов, которые в будущем могли бы стать основой развития авторских идей. В первую очередь, поскольку ключевая проблема книги связана с коллективной памятью и сценариями ее медиапредставления, то, по нашему мнению, в ее текст следовало бы ввести анализ авторов, которые посвятили свои исследования концептуализации роли бессознательного в формировании, сохранении и трансляции индивидуального и коллективного опыта. Считаем, что набирающая силу популярность современных цифровых технологий во многом предопределена их

соответствием матрице бессознательных запросов потребителей Интернет-контента. Это в значительной мере обусловлено возникновением новых познавательных установок, поступательно формирующих актуальное «цифровое бессознательное» как закономерное следствие вынужденной адаптации внутреннего мира сознания и памяти в условиях диджитальной революции.

Кроме того, изучая медиапамять как коммуникативный механизм конструирования представлений о прошлом, автор отмечает факт наличия глубинной ностальгии человека, тогда как подобные процессы, в то же самое время, дают возможность удовлетворять и современные запросы человека и общества. Тем не менее, в рассуждениях автора о памяти мы не наблюдаем обращения и к феномену «связи времен», то есть, к темпоральным категориям «настоящее» и «будущее», которые, в такой же мере, как и «прошлое», выступают результатом конструирования, и уже в силу этого, по нашему мнению, их анализ обязательно должен был присутствовать в тексте рецензируемой монографии.

К тому же автор монографии уместно заключает, что «медиапамять подвергает историческое знание определенной селекции, включая в повестку дня актуальную информацию о прошлом, и подвергая забвению то, в чем нет общественной потребности» [Артамонов 2023: 64]. При этом мы не должны забывать, что как сама память является субъективным продуктом, так и во многом и сама история также предстает результатом произвольной или же «заказной», корпоративной субъективизации. Фактически, возникает проблема, что же, в итоге, оказывается

общественно ценным. И каковы в этом случае критерии и механизмы определения этой ценности.

Интерпретируя роль «умных толп» в конструировании медиапамяти, Денис Артамонов утверждает, что «масса людей способна на рациональные социальные действия в реальном мире» [Артамонов 2023: 92], а также что она может «быть чётко организована для выполнения рациональной задачи и управляема самим участниками» [Артамонов 2023: 93], представляя, тем самым, специфическую технологию социальной организации. То есть, цель существования «умной толпы» состоит в осуществлении социально-значимых трансформаций, в то время как большинство социальных акций, в которых принимает участие современная молодёжь, носит, скорее, развлекательно-досуговый характер, внутренне не связанный с реализацией социально-значимых задач. Принятие этой данности позволяет выявить аутентичные качества этой социальной группы и определить стратегии и технологии работы с нею. В итоге безусловное доминирование досугового элемента в современной медиакультуре освобождает ее агентов от каких бы то ни было цивилизационных и институционально-контролируемых форм социальной ответственности, создавая и бесконечно умножая пространство игры и несерьезности.

И если общество всерьез не задумается об опасности производства «умных толп», то, пожалуй, в один ужасный момент времени, человечество и вправду всерьез может столкнуться с ситуацией, предсказанной более полувека назад Филипом Диком,

когда «андроиды с фальшивой памятью» [Дик 2016] будут вместо людей определять, что когда, как и почему следует делать человечеству, начисто лишенному своей коллективной памяти.

Литература

- Артамонов, Д. С. (2023). *Медиапамять в эпоху цифры*. Саратов: Издательство Саратовского университета.
- Дик, Ф. К. (1992). *Мечтают ли андроиды об электроовцах. Фантастические романы*. Москва: Центрполиграф.
- Дик, Ф. К. (2016). *Мечтают ли андроиды об электроовцах?* Москва: Издательство «Э». Режим доступа: <https://clck.ru/3CmoXb> (дата обращения: 30.05.2024).

Информация об авторах

Некита Андрей Григорьевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социологии. Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Россия, 173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41), ORCID: 0000-0002-9254-2901, beresten@mail.ru

Маленко Сергей Анатольевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, культурологии и социологии. Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Россия, 173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41), ORCID: 0000-0003-4828-0171, olenia@mail.ru

WILL THE "SMART CROWDS" OF ANDROIDS REMEMBER ABOUT THE ELECTRIC SHEEP, OR HOW MEDIA MEMORY IS POSSIBLE IN THE ERA OF DIGIT. REVIEW OF THE MONOGRAPH BY DENIS ARTAMONOV

Andrey Nekita, Sergey Malenko

References

- Artamonov, D. S. (2023). *Mediapamiat' v epokhu tsifry* [Media Memory in the Age of Numbers]. Saratov: Saratov University Press. (In Russ.).
- Dik, F. K. (1992). *Mechtaiut li androidy ob elektroovtsakh?* Fantasticheskie romany [Do androids dream of electric sheep? Fantasy novels]. Moscow: Centerpoligraph. (In Russ.).

Dik, F. K. (2016). *Mechtaiut li androidy ob elektroovtsakh?* [Do androids dream of electric sheep?] Moscow: Publishing house "E". Available at: <https://clck.ru/3CmoXb> (accessed: 30.05.2024). (In Russ.).

Author's information

Nekita Andrey Grigorievich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (41, B. St. Petersburg str., Veliky Novgorod, 173003, Russia), ORCID: 0000-0002-9254-1901, beresten@mail.ru

Malenko Sergey Anatolyevich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology. Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (41, B. St. Petersburg str., Veliky Novgorod, 173003, Russia), ORCID: 0000-0003-4828-0171, olenia@mail.ru

For citation:

Nekita, A. G., & Malenko, S. A. (2024). Will the "smart crowds" of androids remember about the electric sheep, or how media memory is possible in the era of digit. Review of the monograph by Denis Artamonov. *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 3(8), 378-405. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-3\(8\)-378-405](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-3(8)-378-405)